Видимо они уже приближались к перешейку, потому что земля под ногами выглядела чрезмерно увлажненной, поросшей тростником и травами. Окрестные леса также постепенно редели, полноценные деревья постепенно сменялись переплетенными лозами, что составляло идеальную гармонию с изменением настроения Оливара.

Десять членов его отряда молча бежали трусцой возле него, словно упрямые ослы.

- Следите за своими шагами, потому что можете подвернуть голень, если не будете осторожны, – сказал он.

Они что-то пробурчали согласно, и Оливар почувствовал иррациональный приступ гнева. Потому что воины отреагировали точь - в-точь, как он сам-на слова Командира.

- И шевелите ногами! Будь я проклят, если какой из вас отстанет. Мы не будем вкалывать до ночи, пока другие отряды будут спать как младенцы в колыбели! – рявкнул юноша с глубоким убеждением. Воины словно разделяли это ощущение, прибавляя еще скорости, хотя путь перед ними становился все тяжелее; невысокие уступы и поваленные стволы начали появляться на тропе. От этого Оливар еще более бесился.

Если проклятый "Командир" считает, что может сломать меня, то его ждет неожиданность...

... Шаг... Шаг... Шаг... Шаг...

В поле зрения появился небольшой ручей, сапоги продавливали грязь, выныривая наружу с грязным илом, который вонял, словно ночной горшок старого Уолдера. Но Оливар на это не обращал внимания.

Каждый новый вздох ощущался как удар ножом под ребра прямо в легкие, и все же он млел от наслаждения после каждого того укола боли, как никогда в жизни; ибо каждый укол боли был благословением, блаженной порцией свежего воздуха.

Драгоценный воздух пьянил сильнее, чем выдержанное вино, хмелило сильнее даже крепкий бурда, которую однажды ему смешал кузен Вендел, когда он взял его гулять по северным деревням… во времена, которые теперь казались прошлой жизнью.

Ноги сами перепрыгнули через очередное опавшее дерево, а глаза впились в кол с привязанным куском зеленой ленты. Каждый цвет должен был бы что-то значить относительно прогресса их марша... сейчас это были лишь глуповатые куски цветной ткани, указывавшие маршрут.

Как что-то столь ценное может быть таким общедоступным? Как он мог быть таким слепым, что вообще не обращал внимания на драгоценный воздух? Как, когда каждая задержка со вздохом грозила легким Оливара гореть изнутри? Если бы он выпил дикого огня, это чувствовалось бы похоже?

Оливар осознал, что бежит в одиночестве.

Он вздрогнул, почти поскользнувшись, и едва не пронзив тело об вывернутое корневище. Подразделения растянулись вдоль как струны; юноша мог бы догнать последнего новобранца Ланселя в каких-нибудь двадцати шагах впереди себя, который только что свернул у здоровенной ивы.

Это означало... Он обернулся и обнаружил, что перегнал "собственный" отряд на немалое

расстояние. Они выглядели полумертвыми, едва-едва дрыгая руками, пока продвигались с опущенными головами; алебарды расшатывались над ними словно рога какого-то опьяневшего оленя.

Мы не справимся.

Мысли о том, что он станет объектом фальшивого разочарования Джоффри, было достаточно, чтобы вывести его из ступора

- Поддерживайте темп! Ну же! - он закричал, замедляясь, и поравнялся с первым воином из своего отряда. Голос Фрея звучал глухо, а горло нещадно жгло. Вода превратилась в болезненное воспоминание, которое лучше не поднимать из памяти.

- Да, сержант! - молвил тот.

- Молодец! - сказал Оливар, пропуская запыхавшегося рекрута мимо себя,

- Ну давайте, скорей! Каждый ваш шаг приближает вас к финишу! - добавил он, когда еще трое воинов пробежали мимо него, скорость бега стала на толику больше, чем до того. Он не знал, где и нашел силы, чтобы снова заговорить, но с момента того испуга Оливар обнаружил, что уже не может остановиться.

- Шевелитесь, рекруты! Вы хотите, чтобы в задницу граненый Командир вас пожалел?! - закричал он, когда добрался до тыла своего отряда (а одновременно и тыла всей центурии).

Один из тройки воинов в конце скривился, сплюнув комок слизи:

– Да пошел он в жопу! - воскликнул мужчина, ускоряясь. Здесь, среди этих мужчин, никто не боялся, что может обидеть принца Семи Королевств; такое редко случалось в группах обычных воинов, будь те дворянами или простыми людьми. Если по правде, то ругательство Командира в относительной приватности отряда стало сокровенным удовольствием для них всех.

- Тогда не отставай, Роббен! - сказал Оливар, подстраивая свой бег к их скорости,

- Как насчет тебя, Галв? Хочешь дальше таскать на себе доспех и тогда, когда мы добежим?!

- Нет, сержант! – воскликнул Галв. Он был помощником пекаря возле замка Дарри, прежде чем обменял собственную свободу на семь адов.

- Хочешь сидеть с голодным пузом, потому что там даже хлеба не останется, когда мы прибежим с такой скоростью?! - закричал Оливар; в груди запекло чем-то горячим и красным. Что это на него нашло? Настроение резко изменилось с почти хмельного ступора на убийственную ярость менее чем за минуту.

Боги, как мне надоело это все дерьмо.

- Нет, сержант! – сказал Галв.

- Так на какую еду ты рассчитываешь, когда нас перегонит та долбаная карета! - закричал он.

- Ни на какую, сержант! – воскликнул Галв. Раньше он был слегка толстоватым, в день, когда Оливар встретил его, и они собирали отряд для принца, чтосейчас далеко отсюда. Теперь солдат выглядел таким же, как и остальные.

- Ты этого хочешь, новобранец?!

- Нет, сержант!

– То почему ты, черт возьми, замедляешь все подразделение?!

Галв прибавил скорости, вслух пыхтя и держась рукой за грудь слева. Оливар уже собирался покоситься на Клинта, когда осознал, что воин сам ускорился вместе с Галвом и Роббеном. Он скривился, придержав язык за зубами, но Клинт и сам повернул голову, глядя на командира.

– Ну давай, скажи уж, ты ведь и так собирался это сделать, - рявкнул тот.

Оливар качнул головой:

- Какая у тебя гребаная проблема, Клинт? – спросил он, подбегая вплотную к солдату и высвобождая алебарду из сплетения ветвей, которое задел ненароком.

- В самом деле? Именно… здесь… - запыханно пробормотал Галв, держась за бок.

Они наполовину пригнулись, и пробежали сквозь чащу сломанных ивовых ветвей, отбивая в стороны длинные зеленые побеги, которые с щелчком ударяли по теперь уже грязным нагрудникам. Отчищать их будет еще тем адом.

Клинт побагровел, отбивая ивовые ветви широкими замахами алебарды.

– Может мне просто надоела твоя насмешка, сержант, - сказал он. Мужчина сделал очередной глубокий вдох, когда они выбежали из-под целого леса свисающих ветвей,

– Может я уже устал от тебя и как ты ведешь себя, словно мы твоя собственность, – добавил он.

Оливар аж остановился, его лицо покраснело и он зарычал:

– И ты, и остальной пятый отряд находитесь под моей ответственностью. Если кто-то из вас посрет не там, где надо, то кожу Командир будет снимать именно с меня!

- И все же ты тоже… – сказал Клинт, делая перерыв на очередной вдох,

– …Запыханно бежишь вместе с нами. Ты не лучше нас, так что прекращай шпынять нас всех, как своих слуг. Ты всего лишь пешка, которую Уолдер Фрей решил отдать как подарок командиру. Минус один голодный желудок в обмен на королевскую благосклонность, – закончил он.

У Галва и Роллена перехватило дух, и не от истощения.

Оливар чувствовал себя так, словно ему только что влепили пощечину - нет, точнее чувствовал, будто ему только что всадили под дых, полностью перекрыв доступ воздуха. На этот раз урод зашел слишком далеко.

- Ты готов подтвердить это чем-то более весомым, чем словами? - спросил Оливар, угрожающе тихо.

- Сегодня вечером, когда Командир пойдет отдыхать. Где – то здесь поблизости непременно должно быть неприметное место, где я сосчитаю тебе все зубы, - пообещал Клинт.

Драки были строго запрещены. Но Оливару было наплевать. Что Командир сможет ему поступить? Заставит вкалывать еще труднее?

– Мы еще увидим, кто кому зубы сосчитает, - сказал он с наслаждением.

Клинт Риверс скривился, сжав кулаки. Они продолжили бег, стараясь не свалиться в неглубокие рвы вдоль тропы; дорога начала спускаться вниз. Уже хорошо познакомившись с местной географией, Оливар думал, что вскоре придется вскарабкаться на очередной склон. Однако бурлящая ярость, что кипела в глубине груди, заставляла его и дальше бежать, а нетерпение перед дракой подпитывала силы.

... Шаг... Шаг... Шаг... Шаг...

Каждый шаг приближал их к окончанию этого безумия.

Этой агонии.

Они начали сплачивать членов их небольшого отряда; отсталых рекрутов, которые уже не могли двигаться в полсилы под взглядом Оливара. Ни один из них уже давненько не видел хвоста отряда Ланселя... и это означало, что они сильно отстали. Но мысль вызывала странную пустоту, которая заставляла Оливара хмуриться и ускорять шаги.

- Не останавливайтесь! Крепко держите алебарды! - кричал он, держась за нещадно болевший бок. Каждый вздох был медленнее предыдущего, но они уже близко, уже приближаются к финишу, который должен быть недалеко.

Интересно, сколько времени они уже бегут вообще? Мышцы Оливара уже даже не горели от боли, они просто болели с какой-то пустотой, даже хуже, чем просто боль. Дыхание стало мелким и прерывистым, каждый вдох вызывал к уколам в горле, так как будто частички плоти пытались выбраться наружу из тела, как те проклятые ленты-указатели. Он почувствовал, что вот-вот упадет в обморок.

И в тот же миг начался подъем кверху.

... Шаг... Шаг... Шаг... Шаг...

У Оливара непривычно гудело в голове, и он заставлял самого себя делать каждый следующий вдох, утоляя протяжные уколы боли с каждой стороны. Как бы скупым ни был его отец, но все же юноша вырос в состоятельной семье.

Он с детства должным образом питался и лично познакомился со строгими требованиями мастера-над-оружием, которого он - довольно иронично, как на это время - считал скорее привередливым и жестким. Бойцы его подразделения не разделяли такого опыта. Прямо впереди него - Галв схватился за живот, замедляя бег.

- Продолжай двигаться! - прохрипел Оливар; в горле пересохло.

Галв скрутился на мгновение, прежде чем выблевать завтрак; он оперся на ствол каштана, чтобы не упасть, другой рукой вонзив алебарду в землю. Юноша опасно расшатывался, пока остальные отряды пробегали мимо него, выкрикивая слова поддержки.

– Ну давай, Галв! Никто не должен отстать! - рявкнул Оливар, хватая воина за плечо и таща его вперед. Галв едва держался на ногах, перегнувшись в другую сторону, прежде чем снова

выблевать. Он склонил голову, чувствуя головокружение, пока Оливар пытался сдержать его.

- Нам нужно продолжать, должны добежать! - проревел командир прямо в лицо солдату, стараясь, чтобы тот понял.

Галв кивнул, крепко ухватив алебарду обеими руками, и овладевая собой, увеличив скорость, не смотря на куски пищи, что прилипли к нагруднику.

Подъем становился круче, колени начинали гореть огнем, и все больше и больше рекрутов выблевывали завтрак.

- Скорее! Вперед! Не останавливайтесь! Наверстаем в лагере, ограбим поваров! - кричал Оливар, хотя и не знал, как до сих пор может кричать. Грудная клетка болела так сильно, что он едва мог произносить слова.

Фрей толкал и тащил за собой отстающих бойцов подразделения, давя на них, чтобы хоть немного ускорять. Они уже приближались к финишной линии. Вот что означали желтые ленты, он был в том уверен.

Люди хрипели и пыхтели, приглушая лесные звуки, птицы разлетались во все стороны, когда слышали стон и крики боли. Наплечники расшатывались при каждом новом шаге, и Оливар заметил, что именно Клинт отстал позади, едва передвигая ногами и уронив алебарду на землю.

- Ну давай, Клинт, - сказал Оливар, так громко, как только мог. Это прозвучало словно приглушенный шепот.

– Не могу, – прошептал Клинт в ответ, выблевывая желчь по нагруднике и дальше замедляясь,

– Скажи ему, что я не могу, передай, что я освобождаюсь, – сказал он.

– Ты не можешь освободиться, уже не можешь, - сказал Оливар, уравнивая скорость с ним и стараясь думать о чем-то другом, а не о жгучей боли в ногах.

– Я... не могу... пусть уж буду дезертиром, я выбираю удавку... пожалуйста... - сказал Клинт, пятясь и почти упав лицом на камни под ногами. Склон холма был беспощаден ко всему, что дышало, и словно противился попытке преодолеть его.

Оливар подхватил его другой рукой, едва не упав, минуя каменную глыбу:

– К черту это все. Никто не повесит члена моего отряда, черт возьми! Особенно - не тот золотоволосый говнюк! - воскликнул он, по крайней мере попытался воскликнуть.

Зато это вырвалось наружу словно какой-то первобытный рев, который Клинт так или иначе, и смог понять. Бастард издал какой-то звук, который можно было бы воспринять как смех, и покрепче ухватился за руку Оливара, когда они вместе вернули прежнюю скорость. Двое Зайцев выскочили из-под ног, почти заставляя воинов вздрогнуть от неожиданности. Однако они как-то смогли устоять на ногах, заживо варясь внутри доспехов под палящим солнцем.

Оливар практически тянул Клинта правой рукой, ковыляя бок о бок, и снова набрал воздуха в легкие.

– Роббен! Джост! Не останавливайтесь! Шевелите ногами! - крикнул он солдатам впереди; но

двойка снова ускорилась, когда он вместе с Клинтом поравнялся с ними. Его люди выглядели мертвецами. Мертвецами, что бредут сквозь Седьмое Пекло, спрашивая самих себя, когда же это они успели погибнуть.

Он лишь желал служить кому-то весомому, любому на самом деле. Со временем стать оруженосцем, а в конце концов-получить рыцарство. Черт возьми, да он бы и не отказался стать хотя бы пажом. Все, чего юноша желал - выбраться из Близнецов, стать кем-то, делать что-то вне мелких обязанностей, назначенных главой его дома. Который был посмешищем Речных земель. Все, что он хотел, это быть подальше от этой токсичной трясины и преуспеть в чем-то.

Хоть в чем-то.

Разве он желал много? Места в окружении какого-то благородного лорда? Места за столом, полученного за заслуги, усердие и лояльность? Разве это на самом деле было невыполнимым?

Оливар почувствовал появление очага недомогания внутри тела; тошнота бурлила в его животе, в грудной клетке, по всему телу. Он умирал, пока неправильность всего медленно поднималась, словно раскаленная лава, как агония, что заставляла парня желать смерти, чтобы все наконец закончилось.

Скорость бега замедлилась вдвое, и он едва не упал на землю, когда грудь болела так, словно бы он только что пронзил грудь собственной алебардой. Он выблевал остатки утреннего завтрака, но вдруг поступил очередной спазм, и все повторилось. Юноша желчью забрызгал весь нагрудник своего напарника, загрязняя белый табард собственной геральдической, так сказать, отметкой.

– Еще... один... шаг... Может... ты... хочешь... отложить.. нашу драку... – прошептал Клинт на ухо.

Оливар зарычал, сумасбродно вдохнув воздух, и попытался ускорить шаг. Его снова скрутило от спазма, желчь скапывала с пересохших губ.

- Не будь... трусом... – продолжал Клинт,

– Я... буду бить.. не очень... сильно...

Каждое слово заканчивалось напряженным вдохом, так словно он пытался выговориться перед смертью от удушения. Оливар снова зарычал, его походка превратилась в медленный бег. Они догнали остальной отряд, все еще держась друг за друга, когда Оливар осознал, что отряд уже достиг верхушки холма. Солнце сияло прямо над головой, и он увидел королевскую карету, медленно катящуюся по Королевскому тракту перед ними, еще не достигнув линии желтых лент впереди.

Еще было время.

Зрелище как будто подпитало людей, и они набрали скорости во время спуска. Оливар уже не чувствовал себя человеком на этот момент, скорее чем-то другим. Он не знал, чем это "другое" было.

Чувствовал себя необычно, множество ощущений вопило, отвлекая внимание, хоть мозг и боролся, пытаясь их игнорировать. Он чувствовал боль в местах, о чьем существовании раньше даже не догадывался. Чувствовал себя так, словно его протянули под колесами водяной

мельницы на Риверране, превратив в пюре, и выбросили с противоположной стороны.

Он чувствовал рвоту на подбородке, что воняла немилосердно, хотя на удивление, сейчас его это не волновало. Его словно вывернули на изнанку, поставили с ног на голову. Один из воинов - Джост – обоссал себе кожаные штаны. Оливар подумал, что он и сам вероятно мог бы сделать то же самое.

Боль в мышцах, боль в разных местах… он будто переплавлялся в одно целое, формируя странную сущность, которое дышало. Вдох и выдох. Агонизирующий стон воинов слышался словно отовсюду; он окутывал Оливара, делая его одним из них. Он осознал, что они все превращались в единую сущность: общее, умирающее чудовище.

Фрей повернул голову в правый бок, снова выблевывая остатки еды, прежде чем перевести взгляд вперед. Впереди был лишь бег. Были только его люди.

- Мы никого не оставим позади, - зарычал он, поддерживая Джоста за шею сзади, когда поравнялся с ним вместе с Клинтом, чтобы тот не упал.

- Остановитесь… прошу… – прохрипел простолюдин.

– Никого… не оставим позади… - шептал Оливар.

Они уже втроем поддерживали друг друга; когда один настаивал, что уже не может двигаться, двое других тянули его, подбадривая шепотом. Однако чудовище и дальше умирало, как и все в этом мире, что в конце концов закончит свое существование.

Люди Оливара вскоре ковыляли по двое, даже по трое, поддерживая друг друга. Хотя Джост вырвался вперед, и Оливар с Клинтом отстали, подгоняя и подталкивая тех, кто двигался позади. Теперь Оливар уже просто молча плакал; редкие слезы соскальзывали по щекам вниз в нерегулярном темпе, диктованном подъемами и опусканиями какой-то глубинной, внутренней агонии. Они все плакали, ведь вскоре все будут мертвы и узнают благословенную радость забвения. Медленно, но та щемящая пустота поглощала их.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/61076/2005387